

ВЫПУСКНИК ШКИДа

Алексей (Леонид)
Пантелеев

Наверное, эту историю стоит начать с Первой мировой. Ведь именно эта, трагическая для России, да и для всей Европы, война выбросила на дороги смутного времени сотни тысяч обездоленных детей — беспризорников. Тогда же — с середины 1910-х годов — начался пятнадцатилетний период расцвета российского уголовного мира. Уголовная империя брала под своё подданство несмышлёных, бездомных сирот. Уголовная этика, блатная романтика с её своеобразным жаргоном и набором воровских профессий — всё это весьма соблазнительно для детей, лишённых родительской и государственной опеки, не знавших радостей честного труда и учёбы. Казалось, что очистить эти юные души от преступной скверны уже невозможно...

Во многих книгах и фильмах первых десятилетий советской власти мы встречаем образы беспризорников. Это и книги А.С. Макаренко, и первый советский звуковой художественный фильм «Путёвка в жизнь», и «Сто рассказов о Дзержинском» Ю. Германа... Из поэтов психологию беспризорника острее других чувствовал Сергей Есенин. Вспоминаются его пронзительные «Папиросники».

Как это похоже на нашу нынешнюю действительность — и пиво, и притоны, ставшие неотъемлемой частью детских судеб. Только вместо Пинкертона сегодня в ходу другие развлечения. Тема эта так занимала Есенина, что через год он написал стихотворение «Русь бесприютная», в котором уже громогласно призывал к государственному решению зияющей проблемы. В те времена беспризорники обитали на всех железнодорожных узлах, во всех крупных городах. Поэту довелось близко познакомиться с ними в Тифлисе. Есенин запросто рассказывал ребятам о своих стихах — «про любовь и про геройские дела разные», быстро освоившись в компании «отчаянных сорванцов». По воспоминаниям Н.К. Вержбицкого, «Есенин начал с того, что правдиво рассказал, как он сам был беспризорником, голодал, холодал, но потом нашёл в себе силы расстаться с бродяжничеством, подыскал работу, выучился грамоте и вот теперь — пишет стихи, их печатают, и он неплохо зарабатывает». После этой встречи и было написано стихотворение «Русь бесприютная» (в первоначальном варианте — «Русь беспризорная»).

Прав оказался Есенин: среди беспризорников были талантливые люди. Вот типичная судьба того времени — одновременно трагическая и героическая... Писатель Леонид Пантелеев (настоящее имя — Алексей Иванович Еремеев) родился 9 августа 1908 года в Петербурге, в семье военного. Отец писателя, казачий офицер, получил дворянское звание за подвиги в русско-японской войне. Уже в девятилетнем возрасте Лёша Еремеев увлёкся литературным творчеством: писал стихи, рассказы, даже, подобно Стендалю, трактат о любви. В годы Гражданской войны Иван Еремеев пропал без вести. А жизнь с матерью в ярославской глуши претила молодому Алёше Еремееву. Он бежал из дома. Началась бродяжья жизнь, полная авантюры, включая знакомство с воровским миром и с губительным азартом рулетки. Наконец, в 1921 году он попадает в школу-коммуну имени Ф.М. Достоевского, ШКИД.

Годы бурной юности подарили ему литературный псевдоним, который поначалу был кличкой, принятой в честь известного петроградского вора-налётчика Лёньки Пантелеева. Писатель создал остроумную, остросюжетную легенду из своих беспризорных мытарств, написав игриво-автобиографическую повесть «Лёнька Пантелеев». Беспризорника Пантелеева и впрямь ждало воровское будущее, если бы не школа Виктора Николаевича Сороки-Росинского... Об этой школе рассказано в первой и, пожалуй, самой яркой книге Пантелеева (в соавторстве с Г. Белых) — «Республика ШКИД». Воспоминания о школе легли также в основу цикла очерков «Последние халдеи» (1939), рассказов «Карлушкин фокус» и «Портрет».

Папиросники

Улицы печальные,
Сугробы да мороз.
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.
Грязных улиц странники
В забаве злой игры,
Все они — карманники,
Весёлые воры.
Тех площадь — на Никитской,
А этих — на Тверской.
Стоят с тоскливым свистом
Они там день-деньской.
Снуют по всем притонам
И, улучив досуг,
Читают Пинкертон
За кружкой пива вслух.
Пускай от пива горько,
Они без пива — вдрызг.
Все бредят Нью-Йорком,
Всех тянет в Сан-Франциск.
Потом опять печально
Выходят на мороз
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.

После Школы имени Достоевского два друга — Пантелеев и Белых — ещё немало поскитались по Советскому Союзу. В Харькове друзья поступили на курсы киноактёров, но не задержались там, продолжив скитания. Только теперь они бродяжничали сознательно, в поисках впечатлений и жизненного опыта, который пригодился бы в писательском труде. В 1925-м друзья возвращаются в Ленинград, где входят в литературные круги. В те годы в Ленинграде выходило немало детских литературных журналов, в которых трудились талантливые молодые писатели — С.Я. Маршак, Даниил Хармс, Е.Б. Шварц, Н. Олейников... Познакомился Леонид Пантелеев и с Корнеем Ивановичем Чуковским, даже оставил в знаменитой «Чукоккале» свой шуточный автограф — отпечатки пальцев с подписью: «Дефективного поэта уголовная примета». Первые рассказы и фельетоны друзей-соавторов были опубликованы в журналах «Бегемот» и «Смена». Наконец, в 1927 году в свет вышла повесть «Республика ШКИД», быстро ставшая одной из самых популярных книг советской литературы. Книгу заметили. Алексей Максимович Горький высказался об этой книге в своей неподражаемой манере: «Преоригинальная книга, весёлая, жуткая». Наряду с появившейся в те же годы повестью Льва Кассиля «Конduit и Швамбрания», «Республика ШКИД» стала основополагающей книгой для отечественной детской прозы. Книга Пантелеева и Белых вызвала бурные споры в педагогической среде. Но время доказало художественную правоту писателей: книгу читают и сегодня. Остаётся популярной и очень удачная экранизация повести, созданная режиссёром Г. Полокой в 1966 году.

Пантелеев стремился, чтобы в детской книге «были бы и юмор, и героика, и лирика, и настоящие человеческие страсти, и большая мысль». Этими качествами книги Пантелеева заслужили свою популярность. И здесь мы должны в нескольких словах напомнить об учителе писателя Пантелеева — тем более что ВикНикСор был одним из самых запоминающихся героев «Республики ШКИД». Маска, созданная Пантелеевым, так приросла к памяти о педагоге, что нередко мы слышим фамилию «Сорокин» в ряду выдающихся русских учителей, между тем как Сорокин — это литературный герой, прототипом которого был В.Н. Сорока-Росинский.

Виктор Николаевич Сорока-Росинский (земляк К.Д. Ушинского) родился в 1882 году, в Новгороде-Северском Черниговской губернии, «от честных и благородных родителей» — малороссов. В 1906 году Виктор Николаевич окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Если Ушинский застал расцвет Московского университета, то Сорока-Росинскому довелось пережить лучшие времена университета петербургского... В начале XX века русская Северная Пальмира стала признанным центром европейской культуры и науки. Будущий педагог устроился на службу в Военно-медицинскую академию, где изучал психологию, что называется, «из первых уст», со-

трудничая с великим В.М. Бехтеревым и уникальным бехтеревским коллективом. Именно в бехтеревской академии Сорока-Росинский ощутил в себе педагогическое призвание. Он начинает преподавать историю и литературу в демократичных учебных заведениях, изучая психологию простого люда. Уже тогда Сорока-Росинский выступает против космополитизма в гуманитарном школьном образовании, настаивает на обращении учителей истории к культу героев Отечества, говорит о воспитании патриотизма. Первоначальные взгляды большевиков не соответствовали патриотическим убеждениям Виктора Николаевича. И всё-таки когда большевики берут на себя ответственность за порядок в стране, он принимает Октябрьскую революцию. Идея опоры на государственную силу импонирует педагогу. В 1920 году Сорока-Росинский возглавляет Петроградский отдел народно-индивидуального воспитания имени Ф.М. Достоевского и школу-коммуны имени Ф.М. Достоевского, ШКИД. Он считал своих воспитанников — бывших беспризорных — натурами одарёнными, но с отклонениями от нормы. Поэтому главную задачу педагог видел в коррекции психики подростков. В первую очередь следовало заинтересовать воспитанников учёбой, превратить процесс обучения в увлекательное, азартное занятие. ШКИД называли пролетарским лицеем — главным образом, потому, что весь учебный материал Сорока-Росинский преподносил в форме творческой деятельности с результативным продуктом. Газета, инсценировки, иные длительные игры... Разумеется, свободное поведение трудных подростков ограничивалось правилами дисциплины, и в школе имени Достоевского существовал карцер... Но высшей стадией воспитания коллектива Сорока-Росинский считал стадию самоорганизации воспитанников. Педагогу удавалось пробудить в воспитанниках осознание необходимости учёбы, они начинали понимать ШКИД как «путёвку в жизнь». После вынужденного ухода из ШКИДа Сорока-Росинский преподавал в средних школах и вузах Ленинграда (в 1933—1936 годах служил научным сотрудником в Педологическом институте). Немало писал о воспитании, об учебной книге, о преподавании русского языка в нерусских школах СССР. О трагической кончине замечательного педагога лучше других рассказал Леонид Пантелеев: «В ШКИДе мы относились к нему с большим уважением, с пиететом, но вместе с тем и слегка насмешливо. Вероятно, это чувствуют и читатели книги. Лет восемь назад я разыскал Виктора Николаевича, мы с ним не один раз встречались, и я имел возможность убедиться, какой это был незаурядный, крупный человек. В то время он уже вышел на пенсию, но и в этом преклонном возрасте жил не по-стариковски деятельно: писал историю своих педагогических взглядов, сотрудничал в газетах и журналах, составлял методические пособия для школы. И постоянно он над кем-нибудь шефствовал, кого-нибудь опекал. Жил он в то время один (жена его Элла Андреевна пропала без вести в войну), но всегда был окружён ребятами. Одному помогал исправить двойку, другого подгонял в вуз. А ведь ему было в то время восемьдесят или около этого.

Русь бесприютная

Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль
В угасшем скандалисте!
Мне вспомнилась
Печальная история —
История об Оливере Твисте.
<...>

Я тоже рос,
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.
Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.

В них Пушкин, Лермонтов, Кольцов
И наш Некрасов в них,
В них я,
В них даже Троцкий,
Ленин и Бухарин.
Не потому ль мой грустью
Веет стих,
Глядя на их
Невымытые хари.

Я знаю будущее...
Это их...
Их календарь...
И вся земная слава.
Не потому ль
Мой горький, буйный стих
Для всех других —
Как смертная отравка.

Я только им пою,
Ночующим в котлах,
Пою для них,
Кто спит порой в сортире.
О, пусть они
Хотя б прочтут в стихах,
Что есть за них
Обиженные в мире.

Последним его подшефным была дочь дворничихи. Девочка эта долго болела, отстала от класса, и Виктор Николаевич взялся её подогнать, занимался с нею по три часа в день. Когда ученица его получила первую пятёрку, он решил отметить это событие и обещал девочке повести её в панорамное кино. Рано утром поехал к Таврическому саду за билетами, возвращаясь, спешил порадовать свою ученицу, переходил улицу и, по глухоте своей не услышав звонка, попал под трамвай. Так, с билетами, зажатыми в руке, он и умер на больничной койке...

Выступая над его свежей могилой, я повторил слова, которые он сказал мне незадолго до этого: «В сущности, мы с Макаренко делали одно дело. Разница только в том, что Макаренко был талантливее, во-первых, а во-вторых, ему было легче. Он имел всё-таки дело с нормальными селянскими хлопцами, а я — с такой вот изощрённой публикой, как ты и твой дружок, с начитанными, эрудированными, богато одарёнными и до мозга костей испорченными питерскими плашкетами...» (1967 год).

Самый известный из воспитанников Сороки-Росинского, Леонид Пантелеев в довоенные годы занял ведущие позиции в советской детской литературе. Ряд своих произведений писатель объединил в цикл «Рассказы о подвиге»: «Пакет» (1932), рассказывающий о Гражданской войне, «Ночка» (1939), «Гвардии рядовой» (1943), посвящённый событиям Отечественной войны, «Новенькая», «Платочек» (1952), знаменитый рассказ «Честное слово» (1941). В конце тридцатых годов был репрессирован Г. Белых — и для писателя Леонида Пантелеева настали тяжёлые времена. Но отлучить от литературы этого упорного и талантливого человека не удалось. Даже в дни блокады истощённый писатель вынашивал идеи новых рассказов — о героизме, о величии человека, о детях.

Уже после войны и после реабилитации Г. Белых в 1966 году была опубликована книга «Наша Маша», родительский дневник, посвящённый воспитанию дочери писателя, который он вёл много лет. В книге о дочери раскрылись педагогические принципы Пантелеева, произрастающие из уроков Викниксора. Писатель замечает: «Воспитание начинается буквально с той минуты, когда ребёнок появляется на свет, когда он впервые подаёт голос, когда проявляет первые свои желания, радость, огорчение, недовольство»... Воспитание без резонерства и догматизма, в режиме весёлой игры — вот кредо Пантелеева. Он замечает в ребёнке проблески творческих способностей, изучает парадоксальность детского мышления. В книге немало очень точных наблюдений, перекликающихся со штрихами известной книги Корнея Чуковского «От двух до пяти»: «Вчера не записал такую забавность».

Я лежал на своей раскладушке. Пришла мама с Машей на руках. Девочка стала шалить. Я сказал: «Нельзя». Она не послушалась. Я повторил. Она смеётся. Тогда я протянул палец в сторону двери и грозно сказал:

— Прошу вас выйти.

Девочка посмотрела на мой грозный палец, взяла его и стала водить этим пальцем по своей ладошке, то есть «варить кашку». Суровый отец не выдержал и рассмеялся».

Пантелеев был автором очерков, рассказов, дневников, посвящённых блокадному Ленинграду: «В осаждённом городе» (1964), «Январь 1944» (1965), а также воспоминаний о писателях — С. Маршаке, Е. Шварце, М. Горьком. Авантюрист и скиталец, Леонид Пантелеев был и человеком несокрушимого стоического характера. Он верил в людей, верил в Россию, был православным, воцерковлённым человеком. И верил в действенность воспитательной педагогики, которая может спасти человека, находящегося на краю гибели. Ведь и сам Пантелеев был олицетворением успеха педагогики Сороки-Росинского. Сын своего века, Леонид Пантелеев чтит и святого Александра Невского, и железного чекиста Ф.Э. Дзержинского, немало сделавшего для беспризорных.

Пантелеевский опыт литературного описания ШКИДа «изнутри» уникален. Ведь в этом случае автором стал не педагог, а воспитанник. К подобной реализации творческих способностей бывших беспризорников и стремился педагог... Образы взрослых и детей, учителей и школьников, трудных подростков и героических детей Великой Отечественной, явленные в прозе Пантелеева, ещё долгие годы будут волновать детей, родителей, педагогов.

Писатель Пантелеев прожил долгую жизнь, но книга «Верую...», своеобразный духовный дневник, вышла в свет уже после смерти Алексея Ивановича. И многие читатели были удивлены тем, какую напряжённую духовную жизнь вёл этот весёлый писатель, выпускник школы-коммуны им. Ф.М. Достоевского.

Арсений Замостьянов